ДБ
30
К48
78

Краснов
Казаки
в начале
19 века

Спб. 1896 г

454

СОБРАНІЕ КНИГЪ

Отд IV № 454

ЛЕОНИДА МИХАЙЛОВИЧА САВЕЛОВА

П. Н. КРАСНОВЪ.

СОБРАНІЕ КНИГЪ
№ IV/454
А. Ш. САВЕЛОВА

КАЗАКИ

ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Издалъ В. Березовскій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Руководство для казачьей ѣзды и выѣздки строевой казачьей лошади. 1895 г. Сост. полковн. *С. Флейшеръ* . . . . . **75 к.**

Двухсотъ тысячная русская казачья конница вырабатывалась сотни лѣтъ естественнымъ путемъ, подъ вліяніемъ непрерывной боевой обстановки; у казака свои особые пріемы и способы ѣзды, а также и выѣздки своей лошади, пріемы вполнѣ отвѣчающіе особенностямъ казачьяго сѣдла и конскаго снаряженія. Нынѣ, когда непрерывная война повсюду прекратилась, явилась необходимость записать и собрать, относительно ѣзды и выѣздки лошади, все то, что прежде передавалось отъ одного другому практикой и вырабатывалось непрерывной, долговременной службой.

Изданіе украшено многими, поясняющими текстъ, рисунками.

Памятная книжка для нижнихъ чиновъ казачьихъ войскъ. Изданіе 3-е значительно исправленное и дополненное 1895 г. Сост. есаулъ *Ив. Черный* . . **75 к.**

Какую бы должность или служебное положеніе казакъ ни занималъ — онъ найдетъ въ книжкѣ все то, что касается его обязанностей, и всѣ формы для веденія отчетности; при чемъ какъ то, такъ и другое строго согласовано съ существующими законоположеніями. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается достоинство «Памятной книжки» Ив. Чернаго.

Всѣ эти отдѣлы заполнены весьма основательными свѣдѣніями, и на нашъ взглядъ не для однихъ только нижнихъ чиновъ. Собранныя въ книжкѣ данныя могутъ служить отличною справкою и для офицеровъ.

В. Сухомлиновъ. «Русск. Инв.» 1893 г. № 102.

Свѣдѣнія о копытѣ и ковкѣ для учениковъ учебной кузницы 10-й кавалерійской див. Сост. ген.-лейт. *Дедюлинъ.* Изд. 2-е испр. Спб., 1894 г., въ 16 д. . . **10 к.**

DB
30
K78

П. Н. КРАСНОВЪ.

КАЗАКИ

ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Издалъ В. Березовскій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
532/42

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 22 ноября 1895 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

Его Превосходительству

МИТРОФАНУ ИЛЬИЧУ

Грекову.

ПОСВЯЩАЕТЪ АВТОРЪ.

С.-Петербургъ
1895.

I.

Донскіе казаки въ настоящее время, когда жизнь идетъ быстро впередъ, когда новыя изобрѣтенія и усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ вызвали цѣлый рядъ преобразованій и измѣненій въ обученіи войскъ, стремясь довести «строевую науку» до возможной простоты—обратили на себя вниманіе. Казакамъ, повиновавшимся сначала только боевымъ традиціямъ и преданіямъ, рѣшили дать точно формулированный уставъ. Конечно, этимъ уставомъ казаки не будутъ подведены подъ «регулярство» не будутъ обращены въ солдатъ, что для казака и теперь, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, было бы больно. Новый казачій уставъ написанъ въ чисто казачьемъ духѣ и сообразованъ съ тѣми индивидуальными особенностями, которыя отличаютъ казака отъ

солдата. Казаки получили уставъ сравнительно недавно. Первый намекъ на уставъ, нѣчто вродѣ военнаго катехизиса, гдѣ въ отрывистыхъ полуславянскихъ фразахъ даются правила и указанія на всѣ «обороты» казачьей службы—появился въ атаманство Максима Григорьевича Власова *) (1836—1848 гг.). До него казаки руководствовались словесными поученіями бывалыхъ станичниковъ или рукописными наставленіями, куда входило все, касающееся какъ управленія, такъ и командованія полкомъ.

Грандіозный походъ Наполеона въ Россію въ 1812 году, вызвавшій къ дѣятельности все войско донское, и старыхъ, и малыхъ, стяжалъ казакамъ неувядаемую славу. Собственно съ эпохи Наполеоновскихъ войнъ имя казака становится извѣстнымъ далеко за предѣлами Россіи, подвиги казаковъ прославляются, какъ русскими, такъ и иностранными военными писателями, и противъ Наполеоновской дивной конницы, противъ безсмертныхъ польскихъ уланъ, вестфальскихъ кирасиръ и французскихъ драгунъ казаки дѣйствовали также по своему, соображаясь лишь съ обстановкой и цѣлями боя.

Крѣпкая посадка въ сѣдлѣ, умѣнье владѣть оружіемъ, знаніе лошади вырабатывались боевымъ воспитаніемъ молодаго казака, переходили

*) «Полковая инструкція для Донскаго войска». М. Г. Власова, 1836 г.

къ нему наслѣдственно отъ отца и дѣда. Но уже къ концу прошлаго столѣтія раздаются жалобы казачьихъ полковниковъ на то, что казаки ѣздятъ не по старому и не умѣютъ объѣзжать молодыхъ лошадей. Причины этому кроются въ совершенномъ уничтоженіи набѣговъ, рейдовъ и поисковъ со столкновеніями съ татарскими наѣздниками и во все болѣе и болѣе увеличивавшемся развитіи земледѣлія и хлѣбопашества. Конечно, при Платовѣ въ началѣ текущаго столѣтія обиліе войнъ, веденныхъ Россіею, пополняло этотъ недостатокъ и казакъ, если не умѣлъ ѣздить и владѣть оружіемъ въ совершенствѣ до перваго похода, за то послѣ перваго уже ни въ томъ, ни въ другомъ не имѣлъ себѣ соперниковъ.

Причины превосходства казаковъ надъ регулярной конницей кроются не только въ воспитаніи малолѣтка и природныхъ качествахъ казака, передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, но также въ значительной степени въ самомъ способѣ формированія и обученія казачьихъ полковъ.

Въ эпоху рекрутскихъ наборовъ, суровой линейной тактики и строго сомкнутыхъ атакъ кавалерійскихъ эскадроновъ, въ эпоху жестокой дисциплины и многократныхъ побѣговъ со службы — одни казаки были предоставлены сами себѣ, у однихъ ихъ офицеръ былъ прежде всего старшимъ, болѣе опытнымъ товарищемъ и уже по-

томъ строгимъ, отвѣтственнымъ начальникомъ. Казаки не знали что такое бивакъ, охраняемый цѣпью парныхъ часовыхъ, а между тѣмъ побѣги у нихъ были рѣдкостью. Любовь къ родинѣ, тѣсная связь станицы, т. е. родныхъ, близкихъ и всего дорогаго, что есть у казака съ его службою, поздравленія и радость всего общества при полученіи казакомъ отличія и стыдъ, и позоръ не только семьи, но всей станицы при нарушеніи казакомъ долга службы поддерживали въ казачьихъ полкахъ порядокъ сильнѣе всякихъ наказаній, штрафовъ и взысканій. Эти-то прекрасныя нравственныя качества казака и позволяли формировать казачьи полки всего за нѣсколько мѣсяцевъ до похода.

Извѣстныя стратегическія соображенія, цѣль войны и обстановка всей кампаніи опредѣляли число полковъ и числительность каждаго изъ нихъ, а также, къ какому времени и куда они должны прибыть. Являлся указъ войсковому атаману отъ военной коллегіи (военнаго министерства) о сформированіи извѣстнаго числа полковъ. Составъ донскаго казачьяго полка былъ приблизительно одинаковъ.

Полковникъ	1
Есауловъ (сотенныхъ командировъ)	5
Сотниковъ (субалтернъ-офицеровъ)	5
Хорунжихъ	5
Квартермистръ	1
Писарь	1
Казаковъ	483
Всего	501

Нѣкоторые полки, впрочемъ, имѣли вдвое противъ означеннаго числа (напримѣръ, Атаманскій, полкъ Денисова во вторую турецкую войну Екатерины II).

Какъ офицеры, или, какъ тогда говорили, чиновники, такъ и казаки, вообще содержанія не получали, но, пользуясь извѣстными земельными льготами и свободою отъ податей, обязаны были по первому требованію явиться на конѣ, съ оружіемъ (шашка, дротикъ [пика], ружье и иногда пистолеты) и по формѣ одѣтые. По Высочайшей конфирмаціи 4-го декабря 1779 года, во время отдаленія ихъ на службу отъ жилищъ болѣе чѣмъ на 100 верстъ, они получали жалованье въ размѣрѣ:

Полковнику	300	р. въ мѣсяцъ.
Есауламъ, сотникамъ и хорунжимъ	50	„ „ „
Полковому писарю	30	„ „ „
Казакамъ.	1	„ „ „

Кромѣ того, всѣмъ, кромѣ полковника, указной мѣсячный провіантъ и фуражъ на ихъ собственныхъ лошадей, полковникамъ—на восемь, старшинамъ—на три, и казакамъ—на двѣ лошади каждому.

Полкъ собирался, распредѣлялся на сотни (пять сотенъ) самымъ простымъ и чисто товарищескимъ способомъ.

Получивъ предписаніе военной коллегіи, атаманъ выбиралъ изъ числа богатыхъ и извѣст-

ныхъ ему казаковъ, пользующихся среди окружнаго населенія извѣстнымъ авторитетомъ (донскаго „дворянства“ *) иными словами), полковыхъ командировъ будущихъ полковъ. Лицамъ этимъ давалось предписаніе о формированіи полка своего имени. Въ предписаніи указывалось: 1) числительность полка (обыкновенно пять сотенъ —500 человѣкъ, но были полки числительностью до 1,400 чел.); 2) указывались селенія, изъ которыхъ должны быть выбраны люди на службу, и 3) давалось нѣсколько мундировъ для образца и сукно на все число людей полка (нерѣдко Высочайше дарованное), сѣдельныя щепы, кожи, ремни и все необходимое для подѣлки снаряженія и около 10 % людей изъ опытныхъ казаковъ, въ качествѣ полковаго кадра.

Со дня полученія всего этого, полковой командиръ становился хозяиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создателемъ новаго полка. Ему только указывался срокъ (4—6 мѣсяцевъ), къ которому полкъ долженъ быть обученъ; въ остальныя распоряженія его не вмѣшивались. Полковой командиръ, принужденный предусмотрѣть всѣ мелочи, долженъ былъ страшно работать и обладать значительной энергіей. Но, создавая свой полкъ, онъ

*) Собственно дворянства въ войскѣ не было, всѣ были равны. Только съ 1798 года донскіе офицеры сравниваются съ армейскими и считаются дворянами. До сего времени они считались „заурядъ“.

невольно привязывался къ нему, а въ ожиданіи смотра и соревнованія съ другими полками употреблялъ всѣ усилія, чтобы достигнуть извѣстнаго совершенства. Посмотримъ, какъ справился съ этимъ дѣломъ молодой 24-хъ-лѣтній войска Донскаго старшина Адріанъ Карповичъ Денисовъ. Въ 1787 году онъ получилъ предписаніе отъ Платова, тогда еще полковника, составить казачій полкъ изъ 1,400 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ было получено и все вышеупомянутое. „Приступя къ дѣлу", пишетъ онъ въ своихъ запискахъ *), „долженъ я сознаться, увидѣлъ, что это превосходитъ мое познаніе, и даже не могъ скоро доразумѣть, чѣмъ начать; однако, не остановился въ нерѣшимости. Прежде всего потребовалъ: нѣтъ ли изъ нихъ хорошо знающихъ писать, каковые и нашлись, и довольно благоразумные. Составивъ изъ нихъ канцелярію, приступилъ къ описанію годныхъ къ службѣ; послѣ разсмотрѣвъ, дабы семейства имѣли хотя по одному надежному работнику. Составя комплектъ полка, раздѣлилъ на сотни, произвелъ въ каждой сотнѣ по два начальника изъ нихъ же, написалъ инструкцію о должности каждаго, приступилъ мундировать, раздавать сѣдла, недостающія вещи дѣлать. Пригнали лошадей, бо́льшею частью не́уковъ и очень злыхъ, къ чему новые казаки совсѣмъ не имѣли ловкости, чтобы

*) „Русская Старина", т. X, 1874 г., май, стр. 33.

ихъ усмирить; донскіе же (?) хотя очень хорошо съ ними управлялись, но не умѣли научать и пояснять имъ. Какъ и во всѣхъ другихъ вещахъ, былъ я въ такихъ же затрудненіяхъ, но трудился до изнеможенія"...

Большая часть времени уходила на устройство полковаго хозяйства, обозовъ, на выѣздку и усмиреніе лошадей; только самые послѣдніе дни можно было посвятить на занятіе „экзерцированіемъ", или, какъ выразился Денисовъ, „наѣздничаньемъ". Весною Денисовъ показалъ свой полкъ Платову. Казаки строили лаву и потомъ снова собирались въ кучу за начальникомъ, при чемъ „нѣсколько казаковъ, стоя ногами на сѣдлахъ, скакали въ присутствіи Платова и многіе чрезъ рвы, нарочито для того вырытые *). Бо̀льшаго и не требовалось. Платовъ остался очень доволенъ, обѣщалъ выхлопотать Денисову орденъ Св. Владиміра, а трехъ изъ новыхъ казаковъ, наиболѣе потрудившихся въ канцеляріи, произвелъ въ хорунжіе.

Разсмотримъ теперь болѣе подробно образовательный цензъ, а также нравственность чиновъ полка, чтобы окончательно представить себѣ его физіономію.

Во главѣ полка стоялъ *полковой командиръ*— полковникъ или войсковой старшина. Человѣкъ почти всегда со средствами, обладающій зем-

*) „Русская Старина", т. X, 1874 г, стр. 33.

лями въ войскѣ, болѣе или менѣе извѣстной фамиліи—онъ являлся представителемъ донской служилой аристократіи, имѣлъ вліяніе на низшихъ чиновъ полка и въ полку распоряжался полновластно. Онъ дѣлалъ представленія о производствѣ въ офицерскіе чины, ставилъ урядниковъ. Онъ писалъ уставъ строевой и гарнизонной службы на основаніи или личнаго опыта, если онъ былъ пожилой человѣкъ, или совѣтовъ болѣе опытныхъ товарищей, онъ же поставлялъ заурядъ-офицеровъ для командованія сотнями и партіями при развѣдывательной службѣ, онъ же являлся лицомъ отвѣтственнымъ за полкъ и обязанъ былъ знать, какъ нравственныя качества, такъ и степень образованія своихъ офицеровъ. Самъ онъ былъ почти всегда грамотенъ, были даже командиры, знавшіе языки. Въ бою онъ управлялъ строемъ, но въ виду своеобразности дѣйствій казаковъ, распоряжавшихся вполнѣ самостоятельно, онъ самъ нерѣдко обращался въ одиночнаго бойца, а иногда даже отмѣнялъ свои приказанія по просьбѣ болѣе старыхъ, а слѣдовательно, бывалыхъ и болѣе опытныхъ казаковъ, позволялъ сдерживать и поправлять себя.

Въ бою при рѣкѣ Сальчѣ 7-го сентября 1789 года Денисовъ прочиталъ казакамъ наставленіе, какъ дѣйствовать, послѣ чего взялъ дротикъ и на ряду съ другими казаками „лавою ударилъ въ непріятеля“, опрокинулъ его и погналъ, при

чемъ „убилъ дротикомъ одного турчина“ и погнался за другимъ... Подъ Измаиломъ 11-го декабря 1790 г. Денисовъ со своими казаками, не разобравъ приказанія, по ошибкѣ пошелъ противъ Бендерскихъ воротъ, гдѣ весьма много находилось турокъ. „Тутъ подоспѣлъ ко мнѣ (Денисову, премьеръ-маіору и полковому командиру) казакъ моего полка Киселевъ, схватилъ за руки, и меня, съ помощью другихъ, отнесли въ сторону и показали мою ошибку. Тогда, разсмотрѣвъ лучше, я повелъ казаковъ на батарею, на которую прежде всходили“. Такія поправки рядовыми казаками офицеровъ были вполнѣ возможны и естественны, если мы вспомнимъ, что командиру полка едва исполнилось 27 лѣтъ и это была вторая кампанія, гдѣ онъ участвовалъ, а казаку Киселеву легко могло быть за сорокъ и онъ можетъ быть съ 17-тилѣтняго возраста мотался въ походахъ.

Итакъ, въ бою полковой командиръ указывалъ только цѣль боя, предоставляя средства самимъ казакамъ. Полковой командиръ долженъ былъ быть справедливъ, добивался любви своего полка, потому что успѣхъ его походовъ былъ основанъ на степени старанія казаковъ. Любимые начальники поднимали казаковъ и доводили рвеніе ихъ до высокой степени. Въ 1807 году, въ войну съ Наполеономъ до пріѣзда Платова, казаки были вялы, но стоило только появиться

среди нихъ популярному вождю*), какъ начался рядъ блестящихъ авангардныхъ дѣлъ, которыми прославили себя казаки въ 1807 году.

Если командиръ полка въ бою, да, какъ увидимъ ниже, и на походѣ не былъ командиромъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то *офицеры* полка значили еще менѣе. Это были старшіе товарищи, назначенные полковымъ командиромъ изъ среды казаковъ же и утвержденные за свои подвиги въ офицерскомъ званіи. Воспитанные такъ же, какъ и казакъ, такъ же, какъ онъ, полуграмотные, они ничѣмъ не выдѣлялись изъ фронта, кромѣ своихъ эполетъ, да болѣе богатой одежды. Офицеры представлялись къ награжденію, не всегда держась старшинства, а уважая достоинство, „поелику донскіе офицеры производились всегда по достоинствамъ и по отличнымъ заслугамъ, чрезъ что усугубляется ревность и умножается число достойныхъ людей“. Пропасти между офицеромъ и казакомъ не было. Всякій казакъ могъ дослужиться до офицера, всякій офицеръ не чуждался общества казаковъ, проводилъ время въ ихъ кругу, принималъ участіе въ ихъ играхъ. Уже въ 1818 году на походѣ изъ Турціи полковой командиръ одного изъ казачьихъ полковъ замѣтилъ, что люди заскучали. Приказано было дать водки, потомъ затѣяли

*) Переписка полковника Кирсанова съ Платовымъ. Воен. учен. архивъ главнаго штаба, дѣло № 1835.

игры, между прочимъ, чехарду. Офицеры полка играли наряду съ казаками, при чемъ не только сами прыгали черезъ казаковъ, но и казакамъ давали прыгать черезъ себя *). Образованіе въ тѣ отдаленныя времена на Дону получить было трудно. Со временъ Иловайскаго (1775—1783 гг.) четверо молодыхъ людей со всего войска посылалось ежегодно въ Московскій университетъ; вернувшись, они считались учеными людьми и мѣтили не меньше чѣмъ на полкъ. Платовъ, считавшійся образованнымъ человѣкомъ, писалъ весьма безграмотно. Сметка выручала офицера, какъ выручала и казака. Въ италіанскій походъ Суворова Денисову на его полкъ были розданы карты, Денисовъ находился въ сильномъ смущеніи, такъ какъ, по откровенному его признанію, не только казаки, но и офицеры не умѣли читать топографическихъ знаковъ и не всѣ разбирали названія (надо полагать, на нѣмецкомъ языкѣ). Однако, онъ съумѣлъ вывернуться. Офицеры запоминали наружный видъ всякаго селенія, моста и т. п., а австрійцы находили уже, что было нужно. То же самое, къ удивленію имперцевъ, продѣлывали и простые казаки. Въ строю офицеръ былъ впереди и, сидя на лучшей лошади, былъ примѣромъ нижнимъ

*) Письмо генералъ-лейтенанта Ив. Ив. Краснова къ своей женѣ.

чинамъ и одною изъ тѣхъ матокъ, за которыми слѣдуетъ рой.

Урядники и казаки другъ отъ друга мало отличались. *Урядникъ* ѣздилъ на ординарцы къ болѣе высокопоставленнымъ лицамъ, водилъ разъѣзды, былъ старшимъ на заставѣ или на пропускномъ посту; по бо̀льшей части это былъ служилый казакъ, живой уставъ полевой службы и первый воспитатель молодаго казака, разсказами своими во время длинныхъ переходовъ, безсонныхъ ночей въ караулѣ, раскрывавшій новому однополчанину военный міръ, въ который тотъ вступалъ. Въ *казакѣ*, въ его воспитаніи, въ его физическихъ и нравственныхъ свойствахъ крылись причины побѣдъ казаковъ, причины ихъ славы. Если, какъ мы видѣли, командиръ не командовалъ, офицеры не учили и не управляли, а полкъ побѣждалъ, то причиной тому были дивныя, всѣми признанныя качества стараго казака.

Воинъ по рожденію и по воспитанію, казакъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ пріучался мыслить и чувствовать по военному. Сынъ, внукъ и правнукъ служилаго казака, онъ съ младенческимъ лепетомъ соединялъ военныя понятія. Мальчики семи, восьми лѣтъ безстрашно скакали по степи, безъ сѣдла, на полудикихъ коняхъ, знали, какая лошадь молодая и какая старая, знали качества и недостатки каждой лошади. Зимою,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
532. 14

построивъ изъ снѣга городокъ, нерѣдко правильнаго бастіоннаго фронта, они, вооружившись снѣжками, одни нападали, другіе обороняли свое укрѣпленіе. По праздникамъ, послѣ обѣдни, молодежь, а нерѣдко и старые казаки, боролись на-кулачки, ходили стѣна на стѣну, играли въ гимнастическія игры, доставали на всемъ скаку платки и монеты, стрѣляли въ цѣль и рубили столбики и вѣтки. Бывалые казаки давали наставленія, разсказывали случаи изъ своей жизни; льготный офицеръ, живущій въ станицѣ, вмѣшивался въ кругъ казаковъ, гдѣ всѣ были съ нимъ за панибрата, называли его по имени и отчеству, гдѣ и онъ, и казаки чувствовали себя совершенно равными. „Кордоны“, „авангардъ“, „аріергардъ“, „позиція“—все это были обиходныя слова среди молодежи, ихъ понимали даже казачки. Молодые казаки видѣли, какимъ почетомъ окружены урядники и, особенно, „кавалеры“; какимъ успѣхомъ они пользуются у станичныхъ дамъ, и, придя на службу, ихъ мечтой было заслужить галуны. Пришедшіе со службы казаки разсказывали, конечно, неимовѣрно хвастая, про свою службу и про службу товарищей одностаничниковъ и, понятно, что этимъ послѣднимъ желательно было бы, чтобы разсказы были въ ихъ пользу. Съ древнѣйшихъ временъ установившійся взглядъ на службу, какъ на нѣчто прибыльное, сохранился даже и понынѣ, а 100

лѣтъ тому назадъ вернуться домой безъ маленькой добычи, безъ лишняго платка или мониста для молодой жены было не принято. Вслѣдствіе этого-то казакъ хваталъ и пряталъ въ свою традиціонную суму все, что ему подъ руку попадало, склянку, старую подкову, костяную пуговицу, изломанный желѣзный подсвѣчникъ, однимъ словомъ, весь тотъ ненужный скарбъ, отъ котораго отказывались хозяева его двора. Но чтобы казакъ былъ воръ—до этого далеко. Неизвѣстно когда, чуть ли не со временъ смутнаго времени, со временъ Заруцкаго, Ляпунова и другихъ лжеказаковъ, пустили слово воры-казаки, а между тѣмъ, въ самыя тяжелыя минуты военнаго времени, когда страсти разнуздывались, когда не грабилъ и не воровалъ только тотъ, кто не могъ, казаки мародеровъ имѣли, какъ исключеніе, и съ ними расправлялись жестоко. Въ 1812 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, во время отступленія великой арміи изъ-подъ Москвы, казаки, ставшіе въ авангардъ ближе всѣхъ, щипали обремененную богатою добычей Наполеоновскую армію. Казалось, можно было бы вознаградить себя за понесенные убытки и потери и нагрузить своего коня, насколько можно. Но суровая дисциплина удержала отъ этого.

„Его высокопревосходительство (Платовъ), писалъ начальникъ его штаба, полковникъ Лазаревъ, кошевому (обозному) начальнику, под-

полковнику Кирсанову, заботясь ежечасно, чтобы отъ находящихся въ кошахъ казаковъ не происходило ни самомалѣйшаго своевольства насчетъ притѣсненія жителей, строго подтверждаетъ объявить всѣмъ приказаніе его, чтобы при теперешнемъ преслѣдованіи отнюдь не было брато у обывателей безъ добровольнаго согласія ихъ даже и фуража, не только чего другаго, ибо всякое и малѣйшее самовольство наказано будетъ строжайшимъ образомъ. Подобно, какъ одного казака полка Грекова 21-го велѣно теперь за грабежъ разстрѣлять...“

Наоборотъ, во всѣхъ кампаніяхъ казакъ являлся честнымъ, храбрымъ и смѣтливымъ воиномъ. Правда, казакъ всегда съумѣетъ найти безхозяйнаго „дикаго“ поросенка или цыпленка, съумѣетъ покормить своего коника даровымъ овсомъ, но и это бо̀льшею частью хитростью, обманомъ, просьбой, но не воровствомъ... Отрицательныя ли это качества на войнѣ? — Полагаемъ, что нѣтъ. Недаромъ даже въ минувшую кампанію всѣ, чуть ли не ротные командиры, желали имѣть при себѣ ординарцемъ или вѣстовымъ непремѣнно казака. Понятно, за казакомъ и тепло, и сытно. Еще Платовъ въ 1812 г. жалуется на это разхватываніе казаковъ на ординарцевъ и вѣстовыхъ *).

*) Бумаги г.-л. Михайловскаго-Данилевскаго, дѣло III ,II (Военно-учен. архивъ главн. штаба, д. № 1835).

Воспитанный въ военномъ духѣ, знающій всѣ „обороты“ казачьей службы еще съ малолѣтства, казакъ не нуждался въ продолжительномъ обученіи; сомкнутый фронтъ для „спайки“ для него не существовалъ. Чувство „локтя“ и „стремени“, какъ чувство взаимной поддержки, замѣнялось принадлежностью къ одной станицѣ, родствомъ и свойствомъ между собою, чувствомъ, что они „казаки“. Что̀ такое, въ сущности, казакъ теперь? тотъ же солдатъ, драгунъ. А посмотрите, какъ онъ отзывается о солдатѣ: „*Онъ* развѣ пойметъ“, грустно сожалительно говоритъ казакъ про солдата. „Куда имъ, сѣрымъ!“—все это проистекаетъ изъ сознанія своего умственнаго превосходства, бо̀льшей своей развитости.

Въ бумагахъ Платова находится много донесеній съ заставъ, писанныхъ и подписанныхъ урядниками. Донесенія ясны, точны и достаточно грамотны; а тогда вѣдь не всякій офицеръ свою фамилію могъ подписать.

Еще разъ повторяемъ: разницы между казакомъ и офицеромъ войска Донскаго почти не существовало, но это не мѣшало, однако, наружной дисциплинѣ, послушанію и взаимной любви.

II.

Отличнымъ представителемъ боевого казачества описываемаго времени является „вихрь атаманъ“ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Отъ простаго казака до атамана всевеликаго войка донскаго, отъ чумазаго казаченка, знавшаго ѣзду, да стрѣльбу изъ лука—обратиться въ Европейскую знаменитость—не мало нужно ума, такта и образованія.

А образованія на Дону негдѣ было взять. Школъ, университетовъ, корпусовъ на Дону не знали. Четыре казака по представленію атамана посылались ежегодно въ Московскій университетъ, но на Платова эта привилегія не распро-

странилась. Онъ явился тѣмъ самородкомъ, какіе давала Русь время отъ времени, его школой было поле, университетомъ война; онъ—яркій представитель „начальства“ казаковъ славной эпохи наполеоновскихъ войнъ.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ родился 6 августа 1751 года въ Старо-Черкасской станицѣ. Отецъ его былъ заслуженный Войсковой Старшина, пользовавшійся общею любовью окружныхъ казаковъ, мать была хозяйка и домоводка, женщина простая и богобоязненная. Во всякомъ случаѣ и отецъ, и мать были люди небогатые, жили въ тѣсныхъ маленькихъ комнатахъ своего дома, а отецъ въ свободное отъ службы время не гнушался заниматься рыбной ловлей наравнѣ съ другими казаками.

Народное преданіе обставило моментъ рожденія Платова фантастическими вымыслами. Отецъ его будто бы вышелъ на минуту изъ дому посмотрѣть на свое судно, летѣвшая надъ нимъ птица уронила къ его ногамъ большой кусокъ хлѣба, а когда онъ, подобравъ его, двинулся дальше, большой сазанъ выпрыгнулъ къ его ногамъ и далъ себя поднять. Пораженный старикъ входитъ въ домъ и тутъ узнаетъ, что жена подарила ему сына.

Не важно, конечно, само преданіе, но любопытенъ фактъ народнаго желанія оттѣнить день

рожденія Платова, какъ день для Дона знаменательный.

Дома Платова наставили въ вѣрѣ православной, научили его быть честнымъ и богобоязненнымъ, вдохнули въ него смѣлую, алчную до воинскихъ подвиговъ душу, да научили съ грѣхомъ пополамъ читать да писать. Отецъ и мать не на столько были богаты, чтобы думать объ университетѣ или русскомъ пансіонѣ, да и время тогда было не такое.

Въ юношескихъ играхъ и забавахъ, на охотахъ и ристалищахъ—Платовъ не имѣлъ себѣ равнаго по ловкости и проворству.

На тринадцатомъ году жизни поступилъ онъ на службу урядникомъ, а въ 1770 году, т. е. девятнадцати лѣтъ, отправился въ Крымъ къ Главнокомандующему Василію Михайловичу Долгорукову.

Въ пышный вѣкъ Екатерины вельможи ласкали донцовъ, смотрѣли на нихъ, какъ на полудикое племя, любили окружать себя конвоемъ донскихъ казаковъ, шиковали этимъ, любили и быстрые умные отвѣты казаковъ, не знавшихъ суровой дисциплины и вольно державшихся передъ начальствомъ. Долгоруковъ полюбилъ Платова за пылкій его нравъ и оставилъ его при себѣ. Вскорѣ онъ пожаловалъ ему чинъ есаула и назначилъ начальникомъ своей сборной конвойной команды. Здѣсь Платовъ окончательно

вскружилъ голову вельможѣ и онъ исходатайствовалъ для него у Императрицы чинъ Войсковаго Старшины и далъ ему полкъ.

Этого только и надо было для славы Платова. 3 апрѣля 1771 года двадцати-лѣтній полковой командиръ на Кубани разбилъ отрядъ Крымскихъ татаръ на р. Калалахъ. Битва эта доставила Платову извѣстность. При дворѣ о немъ заговорили. Императрица упомянула раза два его фамилію и Потемкинъ, которому ввѣрено было войско, взялъ Платова на примѣту.

Перекопъ, а потомъ и Кинбурнъ были слѣдующими дѣлами, въ которыхъ Платовъ отличался. Пугачевскій бунтъ тоже далъ возможность Платову напомнить о себѣ, а во вторую турецкую войну Очаковъ, Каушаны, Аккерманъ Измаилъ и многія другія побѣды далеко выдвинули его изъ среды современниковъ. 13 сентября 1789 года Платовъ былъ произведенъ въ бригадиры съ наименованіемъ походнымъ атаманомъ. Но не такъ важны были для казачьяго генерала награды и ордена, которыми его осыпали, какъ разсказы о немъ Императрицѣ. Екатерина II, любившая самородки и умѣвшая находить талантливыхъ сподвижниковъ, заинтересовалась молодымъ казакомъ и Платовъ былъ приглашенъ къ ея двору.

Поѣздка въ Петербургъ и Царское, знакомство съ роскошью и пышностью Петербургскаго

двора, блиставшаго умомъ и талантами, открыли Платову новый міръ, показали столичную жизнь. Не оробѣлъ Платовъ въ чуждой ему обстановкѣ, онъ завелъ связи, наблюдалъ и подмѣчалъ все кругомъ, чтобы не затеряться среди блеска петербургскаго свѣта.

Надо было имѣть гибкость и изворотливость казачьяго ума, надо было имѣть Платовскую наблюдательность и переимчивость, чтобы въ короткое время очаровать петербургское общество.

Въ Персидскую экспедицію графа Зубова Платовъ пошелъ уже походнымъ атаманомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ тамъ казачьихъ полковъ и за кампанію эту получилъ орденъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени и саблю, украшенную алмазами съ надписью „за храбрость“.

Со смертью Императрицы Платовъ лишился самаго вѣрнаго своего покровителя. Успѣхи Платова, въ короткое время возвысившіе его надъ другими донскими генералами, любовь къ нему казаковъ выставлены были въ невыгодномъ свѣтѣ передъ молодымъ императоромъ. При дворѣ нашлись такіе доброхоты и благожелатели, которымъ не по сердцу пришлось быстрое возвышеніе Платова.

Въ нужную минуту произнесены были слова: „бунтъ“ и „заговоръ“, поѣздка Платова въ имѣніе къ роднѣ была истолкована подстрекательствомъ

и въ 1800 году донской генералъ отправленъ былъ на житье въ Кострому, а оттуда заточенъ въ казематъ Петропавловской крѣпости.

Казалось, карьера Платова была кончена. Враги торжествовали, всѣмъ, кому Платовъ перешелъ дорогу—было легко и отрадно.

Но Платовъ скоро понадобился.

Событіе, вернувшее его въ войско изъ темнаго и душнаго каземата Петропавловской крѣпости—былъ знаменитый „походъ къ сторонѣ Оренбурга....

Дальнѣйшая дѣятельность Платова въ Наполеоновскія войны хорошо знакома каждому, но личность Платова, его отношенія къ окружающимъ, причины обаянія его на казаковъ пока мало выяснены, и Платовъ рисуется теперь, то какъ хитрый льстецъ передъ старшими и жестокій для казаковъ самодуръ атаманъ, то какъ высоко-образованный казачій генералъ, прельщавшій умомъ и начитанностью даже ученыхъ людей. Ни тѣмъ, ни другимъ Платовъ не былъ. Онъ былъ прежде всего казакъ, вышелъ изъ среды своихъ подчиненныхъ, любилъ ихъ и былъ ими любимъ. Онъ былъ хитеръ, имѣлъ сметку, гдѣ, что сказать и какъ сдѣлать, былъ храбръ и умѣлъ показать эту храбрость—словомъ, это былъ „тактичный“ человѣкъ.

Вотъ какъ рисуютъ намъ современники его наружность: „графъ Матвѣй Ивановичъ Пла-

товъ былъ росту большаго, волосы имѣлъ темные, глаза на вылетъ сѣро-голубые, отмѣнно быстрые и зоркіе, такъ что въ дальности зрѣнія едва ли кто могъ съ нимъ равняться; лицо вообще пріятное, мина благопривѣтливая; талія прямая и стройная; въ походкѣ легокъ, осанкою величественъ, сію столь знаменитую особу украшали слѣдующіе знаки отличія вѣрою и вѣрностью заслуженные: ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, алмазами украшенный, св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени большаго креста, св. Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени и св. Іоанна Іерусалимскаго Командорскій крестъ, Австрійскій Императорскій орденъ Маріи Терезіи 3-й степени, Королевскіе и русскіе Чернаго и Краснаго Орла 1 степени; портретъ Англійскаго Принца Регента на лентѣ голубой подвязки, сабля съ надписью „за храбрость“ алмазами украшенная, жалованная Императрицею Екатериною II, брилльянтовое перо на шапкѣ, жалованное Императоромъ Александромъ I, сабля отъ общества города Лондона и три медали: одна за взятіе Измаила, нарочно для него выбитая въ царствованіе Императрицы Екатерины II, которую графъ носилъ на шеѣ, и двѣ медали за 1812 годъ и дворянская“ *).

*) Жизнь и подвиги гр. М. Ив. Платова. Москва 1821 Ч. III стр. 43—44.

Платову за время своихъ походовъ за границу, а также во время пребыванія въ Петербургѣ удалось изучить практически французскій и нѣмецкій языки, а чтеніемъ исторіи развить свой умъ, но, несмотря на это, Платовъ не былъ увѣренъ въ своихъ знаніяхъ и въ разговорѣ съ высшими прикидывался простоватымъ.

Вмѣсто Варшава—говорилъ Аршава, французскаго министра Талейрана называлъ Тейларанъ, офицеровъ картмейстерской части именовалъ планщиками. Не забудемъ, что въ вѣкъ Великой Екатерины это было въ модѣ. Самъ безсмертный Суворовъ кричалъ кукареку въ корридорахъ дворца.

Непривычка къ богатымъ заламъ, раутамъ, баламъ и обѣдамъ выкупалась хитростью, скрытою подъ простодушіемъ. „Мы не рождены, говаривалъ онъ, ходить по паркамъ, да сидѣть на бархатныхъ подушкахъ; тамъ вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дѣло ходить по полю, по болотамъ; а сидѣть въ шалашахъ или еще лучше подъ открытымъ небомъ, чтобы и зной солнечный, и всякая непогода не были намъ въ тягость. Такъ и будешь всегда донскимъ казакомъ.

Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ, а то ты отъ него на вершокъ, а оно

отъ тебя на аршинъ, и такъ пойдете вы врозь: хорошъ будетъ толкъ!“ *).

И неловко чувствовалось донскому атаману, взросшему среди простора донскихъ степей, въ роскошныхъ залахъ Зимняго Дворца. Зеркальный блескъ штучнаго паркета, отражающій предметы, ему былъ страшнѣе пучинъ и болотъ восточной Пруссіи, а тихіе неслышные шаги разряженныхъ лакеевъ пугали болѣе чѣмъ канонада вражескихъ орудій и визгъ пуль. Въ залахъ уставленныхъ вазами, этажерками, кронштейнами было душно и тѣсно. Разсказываютъ, что передъ отъѣздомъ его къ Молдавской арміи, когда онъ откланялся уже всему Двору, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ благоугодно было пригласить его еще на другой день къ семейному столу Ея Величества. Кружокъ собрался небольшой, были все свои, придворные, искушенные опытомъ свѣтской жизни. Платовъ простодушными разсказами своими совсѣмъ очаровалъ Императрицу. Послѣ обѣда Платовъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ разсыпался передъ Императрицей, благодаря ее за лестное къ нему вниманіе. Среди поклоновъ онъ задѣлъ своей роскошной саблей за одну изъ драгоцѣнныхъ фарфоровыхъ вазъ, стоявшихъ съ цвѣтами на полу. Ваза съ грохотомъ

*) Жизнь и подвиги гр. Матв. Ив. Платова. Н. Смирнаго. Москва. 1821 Ч. III стр. 34.

полетѣла, зацѣпила при паденіи своемъ другія—звонъ и стукъ поднялись по дворцу. Сконфуженный, уничтоженный Платовъ хотѣлъ отскочить, но зацѣпился шпорами за коверъ и упалъ бы, если бы сама Императрица его не поддержала.

Снисходительно презрительныя улыбки покрывали лица придворныхъ. Въ углу открыто смѣялись. Всѣмъ было ясно, что Платовъ сгубилъ себя, что репутація его навѣки потеряна. Чуть оправившись, Платовъ бойко и смѣло взглянулъ въ глаза смутившейся было за него Императрицѣ и сказалъ: „Государыня! и паденіе мое меня возвышаетъ, потому что я имѣю счастіе еще разъ поцѣловать ручку моей Монархини, премилосердой Матери“, а потомъ, обернувшись къ придворнымъ и широко взмахнувъ рукой, весело и просто сказалъ: „вотъ пословица та и на дѣлѣ сбылась: говорятъ, что если казакъ чего не возьметъ—такъ разобьетъ, перваго я не знаю, а послѣднее и со мною сбылось“.

Государыня весело разсмѣялась, придворные улыбнулись на шутку донскаго генерала и непріятный случай во дворцѣ былъ позабытъ.

Не всегда, однако, простодушіе Платова и его подчасъ рѣзкія выходки сходили ему легко. Все русское общество въ первыхъ годахъ нынѣшняго вѣка преклонялось передъ геніемъ На-

полеона. Все французское было прекрасно. Не говорить по французски, не слѣдовать французскимъ модамъ, не молиться на Наполеона, не уважать посла французскаго Коленкура было не принято, казалось грубо и дико...

Не могъ Платовъ примириться съ такимъ взглядомъ. Для него Наполеонъ былъ прежде всего врагъ и иноземецъ „злодѣй, шельма Наполеонъ король", какъ пѣлось въ казачьей пѣснѣ, въ дружбу его съ Александромъ Платовъ не вѣрилъ и вопреки общему настроенію не скрывалъ этого.

Во время Тильзитскихъ праздниковъ Наполеонъ, разговорившись съ Императоромъ Александромъ объ удальствѣ и ловкости донцовъ и башкиръ, изъявилъ желаніе посмотрѣть, какъ они стрѣляютъ изъ лука, да за одно познакомиться и съ атаманомъ донскимъ Платовымъ, про котораго Наполеонъ былъ много наслышанъ. Самъ Александръ вызвался быть посредникомъ между донскимъ генераломъ и французскимъ императоромъ. Платовъ очаровалъ Наполеона своею ловкостью и искусствомъ въ стрѣльбѣ и Наполеонъ съ нимъ разговорился. Несмотря на сбивчивость вопросовъ о жизни и военномъ искусствѣ казаковъ, Платовъ отдѣлывался одними общими мѣстами. Наполеонъ въ концѣ бесѣды предложилъ ему на память о себѣ роскошную изукрашенную брилльянтами табакерку. Платовъ

наотрѣзъ отказался. По счастью, по русски. Императоръ Александръ замѣтилъ Платову неумѣстность отказа и приказалъ принять подарокъ. Взявши драгоцѣнность въ руки, Платовъ сейчасъ же передалъ Наполеону свой прекрасно отдѣланный лукъ, чтобы не оставаться въ долгу.

Однако вражескій подарокъ сильно смущалъ донскаго казака. Придя домой, Платовъ выломалъ драгоцѣнные каменья и при первой оказіи отправилъ на Донъ къ своимъ дочерямъ, а портретъ оставался на табакеркѣ до самаго отреченія Наполеона отъ короны. Узнавъ, что врагъ его низложенъ, Платовъ сорвалъ съ табакерки портретъ и замѣнилъ его приличнымъ антикомъ и только тогда успокоился.

Другой разъ Платовъ черезъ свою откровенность повредилъ себѣ еще болѣе. Коленкуръ давалъ обѣдъ по случаю полученнаго изъ Парижа портрета Наполеона, написаннаго во весь ростъ въ коронѣ и порфирѣ. Къ обѣду былъ приглашенъ и Платовъ. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ кн. Барклаемъ-де-Толли. Пройдя въ комнату, гдѣ былъ выставленъ портретъ императора, Платовъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ: „экимъ шутомъ написанъ!“ Нашлись длинные уши, нашлись и не въ мѣру болтливые языки и отзывъ донскаго генерала былъ переданъ Коленкуру. Тотъ пожаловался кому слѣдуетъ и разговоръ дошелъ до

Императора. Государь потребовалъ Платова къ себѣ и спросилъ у него, точно ли такъ было, какъ говорятъ. Платовъ чистосердечно отвѣтилъ „Государь! передъ Богомъ и передъ Вами ничего нѣтъ у меня скрытаго. Что дѣлать! я политики, Государь, не знаю, а слово это у меня какъ-то съ языка сорвалось. Да я желалъ бы, какъ бы Коленкуръ совсѣмъ отъ меня отвязался и избавилъ меня лишней чести своими приглашеніями: я не привыченъ къ французскимъ кушаньямъ, щи да каша — солдатская ѣда наша".

Можно ли было сердиться на донскаго генерала?!

Съ 26 августа 1801 по 1818 годъ, годъ своей смерти, Платовъ стоялъ во главѣ управленія всею Донскою областью. Трудно было ему соединить въ себѣ доблести воинскія съ административными способностями. Руки привычныя къ мечу, не охотно брались за перо.

Туманныя дѣла и отношенія, судебныя каверзы и закорюки донимали его. Онъ самъ сознавался, что ему легче выдержать два, три жаркихъ сраженія, нежели заниматься подносимыми ему гражданскими судопроизводными дѣлами. Отъ нихъ, по собственному его выраженію, дѣлался у него, „вертешъ въ головѣ". Но если онъ признавалъ нужнымъ засѣсть за бумаги, то тутъ излагалъ ихъ, какъ умѣлъ—просто, откровенно и настойчиво. Когда въ 1812 году старый

и заслуженный генералъ Красновъ на Кавказѣ былъ назначенъ въ отрядъ младшаго его генерала Шевича, Платовъ писалъ объ этомъ Ермолову и удивлялся, съ какихъ это поръ младшіе командуютъ старшими —этимъ „войско поставлено въ сокрушеніе, а я въ размышленіе“, закончилъ онъ свое отношеніе. Правитель дѣлъ атаманской канцеляріи деликатно замѣтилъ атаману, что фраза эта не имѣетъ смысла.—„Я понимаю ее и онъ пойметъ меня“—отвѣчалъ Платовъ и „не прежде подписалъ бумагу, какъ увидѣлъ въ точности сіи слова помѣщенными“.

Въ разговорной рѣчи Платовъ постоянно повторялъ „я вамъ скажу“. Это „я вамъ скажу“ было особенностью его рѣчи.

Самобытный по манерамъ, по простой русской рѣчи Платовъ рѣзко выдѣлялся изъ среды русскихъ генераловъ своей эпохи. Эта рознь была еще рѣзче всюду, гдѣ Платовъ сталкивался съ казаками. Онъ любилъ ихъ, какъ отецъ любитъ дѣтей, не чуждался поговорить съ ними, умѣлъ и заинтересовать ихъ, и обласкать. За то и горячо любили Платова строевые казаки и прощали ему многіе его недостатки.

Да это и понятно. Графъ Матвѣй Ивановичъ генералъ отъ кавалеріи, атаманъ войска Донскаго, въ голубомъ серебромъ шитомъ атаманскомъ мундирѣ, съ булавой въ рукахъ, со всей своей „кавалеріей“ на груди, съ алмазнымъ пе-

ромъ на киверѣ и драгоцѣнной шашкой у бедра, оставался тѣмъ же простымъ, заботливымъ о меньшой братіи, любящимъ Донъ казакомъ. Онъ и водочки выпьетъ, и словцомъ казачьимъ закуситъ, онъ у казака про „домашнесть“ распроситъ, и на церковь перекрестится, и отъ попа отплюнется! Онъ свой—его не совратили городскіе соблазны, не загнусилъ онъ по французски, не удалился отъ роднаго донскаго обычая и не сталъ свысока смотрѣть на степнаго мерешка и длиннокудраго его обладателя.

Не любилъ Платовъ отдавать подъ судъ, лишать чиновъ и мѣстъ, „за что“, говаривалъ онъ, „пострадаютъ, я вамъ скажу, отецъ его, мать, жена и дѣти“, призоветъ онъ виновнаго, иногда въ тяжкомъ преступленіи и начнетъ распекать его: „Какой ты чиновникъ, какой офицеръ войска Донскаго, къ которому имѣешь честь принадлежать, когда не радѣешь о славномъ имени, которое носишь на себѣ, когда забываешь Бога, отца, мать, жену, или дѣтей? Тому ли учили предки твои? За то ли видишь на себѣ Монаршія Милости? Или всегда я долженъ за васъ всѣхъ отвѣчать? Стыдись, господинъ мой, надо во всемъ знать честь и бояться Бога!“

Патріархальные нравы! но дивное дѣло, пристыженный больше не замѣчался въ худомъ поведеніи.

Платовъ зналъ душу казака и зналъ, чѣмъ его можно затронуть сильнѣе всего и добиться той высокой популярности, которою онъ пользовался въ войскѣ.

Явится къ нему казакъ на ординарцы, явится честь честью по формѣ. Платовъ взглянетъ на него пристально и спроситъ, какъ зовутъ отца, и обратится къ окружающимъ: „вотъ видите, господа, я вамъ скажу, я очень припоминаю отца его: онъ былъ очень храбрый казакъ, собой молодцоватый. Я съ нимъ служилъ въ Турецкую кампанію и онъ много отважныхъ сдѣлалъ дѣлъ. Знаете ли, я вамъ скажу, онъ отчасти на него походитъ, даже и поступь его. Ну радъ я, спасибо полковнику, что онъ нарядилъ его на эту коммиссію, отъ него ожидаю я всего добраго... Ты вѣдь, братецъ, Курмонаярской станицы?“

— Такъ точно, ваше сіятельство, отвѣчалъ изумленный казакъ, въ первый разъ видѣвшій графа.

— Такъ я помню. Знаете ли господа, я вамъ скажу, что я даже припоминаю домъ ихъ: отецъ его почтенъ былъ въ станицѣ. Мнѣ случилось однажды проѣзжать тамъ, и чуть ли даже не приставалъ къ нимъ. Вѣдь домъ вашъ, въѣхавъ въ станицу и поднявшись на горку налѣво, въ проулкѣ? Такъ, очень, очень, припоминаю, они даже, я вамъ скажу, и хорошіе домоводцы. Скажи же ты мнѣ: жива ли у тебя, по крайности

мать, добрая старуха, и нѣтъ ли кого еще въ семьѣ? Пора тебѣ жениться! Радъ всѣмъ помогать такимъ исправнымъ и досужливымъ казакамъ; о храбрости нечего говорить—стыдно донскому казаку быть не храбру, а надо стараться и поболѣе, что смыслишь. Ну спасибо же тебѣ, поблагодари отъ меня за себя полковника, старайся впередъ себя вести такъ, сдѣлай еще хошо порученность; да и посмотрю я поболѣе за твоимъ поведеніемъ, такъ авось и повысю тебя: моли Бога за милосердаго нашего батюшку Государя, ну ступай себѣ.

Казакъ поворачивался, но тутъ графъ останавливалъ его:—постой, братецъ, пьешь ли ты водку?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Это очень хорошо, я вамъ скажу, однако надо Донскому казаку исподволь пріучаться, бываютъ непогоды и вьюги; а донской казакъ все на конѣ, да въ полѣ; придетъ иногда, какъ-то и не по себѣ: тутъ, я вамъ скажу, лучшее лѣкарство чарка горячаго, а особливо горчишнаго. Постой я тебя попотчую виноградным *).

И атаманъ Донскаго войска, разодѣтый со всѣмъ пречендаломъ своимъ, собственноручно потчивалъ простаго казака какого-либо изъ донскихъ полковъ.

---

*) Жизнь и подвиги Матв. Иван. Платова. Н. Смирнаго. Москва 1821. Т. III.

Нечего и говорить, что послѣ такого дружескаго разговора, „порученность“ исполнялась блистательно, а самъ донецъ, вернувшись въ свой станъ, восторженно и со слезами на глазахъ разсказывалъ собравшимся кругомъ станичникамъ, какъ „мы съ его сіятельствомъ, Матвѣемъ Ивановичемъ, водку пили“, и неиспорченное воображеніе расхваставшагося казака нарисуетъ еще такія дружелюбныя сцены, какихъ никогда не было и быть не могло. А станичники еще долго будутъ „гуторить“ между собой о томъ, „какой онъ добрый“, и бородатый урядникъ въ холодную стужу, мѣшая гдѣ-либо на заставѣ солдатскую тюрю изъ черстваго хлѣба, не безъ гордости скажетъ другимъ казакамъ „нашъ Матвѣй Ивановичъ—енъ казака ни въ жисть не забудетъ: потому самъ казакъ!“ Бывало графъ и вспылитъ, и нашумитъ, и накричитъ, и обидитъ казака,—но это сейчасъ же забудется, а добрая ласка, теплое отношеніе къ казаку, да чарка виноградnаго вина, роспитая съ казакомъ, останутся на всю жизнь.

Большую часть жизни Платовъ провелъ въ походахъ. Въ походахъ же образовались у него и привычки, которымъ онъ не измѣнялъ и въ старости. Отъ зари до зари на аванпостахъ, или въ разъѣздахъ за непріятелемъ, днемъ на конѣ, ночью въ шатрѣ главнокомандующаго на совѣтѣ, или въ бесѣдѣ съ полковыми команди-

рами Платовъ не привыкъ ложиться раньше утра, не привыкъ долго спать. И въ мирное время, въ городѣ или имѣніи своемъ онъ проводилъ ночь безъ сна, ложась въ 4—5 часовъ утра и спалъ до восьми, но чтобы отдохнуть больше оставался въ постели часовъ до 11 и въ это время обдумывалъ, что онъ долженъ исполнить за день и какъ онъ исполнитъ. Потомъ звалъ чиновниковъ и раздавалъ имъ порученія...

Графъ Платовъ былъ вельможа, но онъ не былъ русскій вельможа. Все въ немъ самобытно и характерно. Его обычаи и нравы характеризуютъ донское общество того времени. Онъ заставилъ повсюду уважать казака, не стыдясь и не конфузясь своей казацкой простоты и прямодушія.

Краткая характеристика донскаго героя одна изъ лучшихъ иллюстрацій къ быту донскаго военнаго общества этой эпохи.

III.

акъ во всякомъ кавалерійскомъ полку, видную роль въ казачьемъ полку играетъ *конскій составъ* и *полковой обозъ*.

Казаки почти всегда до начала нынѣшняго столѣтія и въ рѣдкихъ случаяхъ въ XIX вѣкѣ выступали о дву-конь, при чемъ на втораго навьючивалось кое-что изъ „домашнести“ и могущая достаться казакамъ добыча.

Что добыча могла быть и что она считалась вполнѣ законною, доказательствомъ служатъ многіе формальные акты. Снаряжая войско Донское въ походъ на Индію, императоръ Павелъ, въ рескриптѣ отъ 12-го января 1801 г., говоритъ,

между прочимъ: „все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою“ *). Точно также главнокомандующій молдавскою арміей, князь Багратіонъ, въ письмѣ своемъ къ начальнику авангарда, генералъ-лейтенанту Платову, отъ 29-го іюня 1809 г., говоритъ: „Болѣе половины (добычи) никогда отъ войскъ казачьихъ не требовать и не брать“ **).

Помимо значенія вьючной лошади, вторая лошадь служила казаку, какъ замѣна первой, въ случаѣ ея болѣзни или смерти.

Сто лѣтъ тому назадъ Донъ славился лошадьми. Даже и 50 лѣтъ тому назадъ въ „Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ“ писались панегирики донской лошади, скакавшей 20 верстъ съ чистокровной и отставшей отъ нея всего на нѣсколько корпусовъ. Въ Оренбургскомъ походѣ лошади недѣлями не имѣли овса и все-таки шли, питаясь подснѣжной травой. Некрасивый, горбоносый, поджарый донецъ еще недавно прельщалъ своимъ „сноснымъ“ и легкимъ видомъ любителя парфорсной охоты. Въ турецкія войны императрицы Екатерины II и императора Павла I донскіе маштаки не уступали кровнымъ арабамъ турецкихъ янычаръ. На смотру въ Прагѣ въ

---

*) „Оренбургскій походъ“, Филонова („Донскія Войсковыя Вѣдомости“ 1858 г.).

**) Дополненіе къ военному журналу 1809 г. (Военно-учен. архивъ главн. штаба д. №№ 1377 и 1378).

1799 г. полка Денисова императоромъ римскимъ казаки своими лошадьми привели въ неимовѣрный восторгъ венгерскихъ кавалеристовъ, пройдя полнымъ карьеромъ широкій и глубокій ровъ по снѣгу, мѣстами доходившему до колѣна. Терпѣливая и покорная, въ то же время быстрая и увертливая казачья лошадь стяжала себѣ репутацію злой и неукротимой. Эта репутація всецѣло является слѣдствіемъ того, что казачья лошадь почти всегда была невыѣзжена какъ слѣдуетъ и не давалась плохому наѣзднику, но въ рукахъ опытнаго казака была неоцѣнима.

Казачій полкъ не имѣлъ строго установленнаго штата *обоза*. Наступало время, когда отъ казаковъ требовалась наибольшая подвижность и обозъ доводился до minimum'а, да и minimum былъ растяжимъ. Во всякомъ случаѣ, обозъ казачьяго пятисотеннаго полка былъ всегда меньше обозовъ даже четырехъ-эскадроннаго регулярнаго полка. Большинство скарба притомъ везлось на вьючныхъ лошадяхъ.

Въ приказѣ генералъ-фельдмаршала графа Каменскаго по молдавской арміи 9-го апрѣля 1810 г. за № 41 значится; „Казачьимъ генераламъ позволяется имѣть то самое число повозокъ и лошадей, какъ позволяется и прочимъ генераламъ по приказу сего числа (т. е. двѣ повозки и восемь лошадей, изъ нихъ четыре вьючныхъ) назначеннымъ; командирамъ же казачьихъ

полковъ позволяется имѣть одну повозку и къ оной четыре лошади. Верховыхъ же и вьючныхъ лошадей позволяется имѣть сколько угодно, а равно и прочимъ офицерамъ казачьихъ полковъ позволяется имѣть верховыхъ и вьючныхъ лошадей сколько угодно, но повозки ни одной никому изъ офицеровъ, кромѣ командира полка, не имѣть, а потому предписываю имѣть смотрѣніе корпуснымъ и отряднымъ начальникамъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не было въ казачьихъ частяхъ ни одной повозки, кромѣ назначенной для командира полка“ *).

При преслѣдованіи Наполеона, отступавшаго изъ Москвы, когда артиллерія и кавалерія сильно нуждались въ лошадяхъ, Платовъ рѣшилъ стѣснить казачьи полки, отдавши обозныхъ лошадей регулярнымъ частямъ. Въ письмѣ къ полковнику Кирсанову отъ 4-го сентября 1812 г. онъ пишетъ: „Взять всѣхъ лошадей, бывшихъ въ упряжи въ экипажахъ генеральскихъ и подводахъ, оставя упряжныхъ генераламъ въ двѣ повозки, полковымъ командирамъ по одной повозкѣ, а на штабъ и оберъ-офицеровъ на нѣсколько одна повозка, отнюдь не болѣе, ни подъ какимъ видомъ“ **). Съ восьми полковъ собрали всего 173 лошади; какъ видно, обозы этихъ пол-

*) „Изъ дѣла о военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ 1806—1812 гг.“ (Военно-учен. архивъ главн. штаба, д. № 4436).

**) Изъ бумагъ Михайловскаго-Данилевскаго (Военно-учен. архивъ главн. штаба, д. № 1835).

ковъ не Богъ вѣсть какъ были велики. Число вьюковъ, на основаніи письма полковника Лазарева къ Кирсанову, тоже было невелико. „Вьюковъ полковыхъ приказать имѣть въ кошахъ не болѣе, какъ отъ каждаго полка по 20, а отъ Атаманскаго 40 (полкъ былъ тысячный, а не пятисотенный, каждая сотня имѣла 200 нижнихъ чиновъ), прочіе же излишніе казаки должны явиться всѣ въ свои полки непремѣнно“ *).

Такова была въ общихъ чертахъ организація, составъ и управленіе казачьяго полка временъ Наполеоновскихъ войнъ. Обмундированіе было крайне разнообразно. Хотя и полагалось казенное сукно, но его не всегда хватало и его больше берегли для смотра. Въ походѣ же казакъ носилъ домашнюю куртку форменнаго покроя, или длинополый зипунъ, или чекмень, или шинель регулярнаго образца. Рядомъ съ традиціоннымъ киверомъ-ведромъ виднѣлась національная баранья шапка-папаха. Только офицеры и казаки полковъ, близко стоящихъ къ атаману, одѣвались по формѣ, всѣ остальные были одѣты, какъ съумѣлъ смастерить имъ мундиръ станичный портной, а то и рукодѣлица-жена. Но, вообще, казакъ былъ одѣтъ свободно, такъ чтобы могъ ловко дѣйствовать, какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ. Разнообразная и свободная одежда

*) Тоже.

казаковъ возбуждала насмѣшки регулярныхъ чиновъ, но возбуждала и зависть... „Для полезнаго дѣйствія пикою, говоритъ Багратіонъ, надобно быть одѣтымъ какъ можно легче и удобнѣе, безъ затяжки и натяжки, одѣтымъ какъ наши *безцеремонные* казаки“ *).

Если одежда была разнообразна, то вооруженіе въ тонкостяхъ не отличалось бо́льшимъ однообразіемъ. Не забудемъ, что казакъ на станичномъ рынкѣ покупалъ все нужное для походнаго обихода. Понятно, бѣдный пріобрѣталъ шашку и ружье подешевле или выходилъ съ дѣдовскимъ, у турка отбитымъ, кривымъ ятаганомъ; богатый, при склонности казака къ щегольству оружіемъ, пріобрѣталъ шашку доброй стали, украшалъ эфесъ и ножны золотомъ и серебромъ. Пика или дротикъ была разной длины и вѣса „по рукѣ“, у однихъ были только ружья, другіе пріобрѣтали и пистолеты. Относительно ружей, въ виду крайняго разнообразія этой части вооруженія, доходившей до того, что были ружья, стрѣлявшія при помощи фитиля, не говоря уже о полномъ разнообразіи калибровъ, генералъ-лейтенантъ Платовъ, атаманъ войска Донскаго, просилъ позволить сдѣлать, подрядомъ изъ суммы войсковой, однокалиберныя ружья по образцу казацкому на тульскомъ заводѣ, для снабженія казаковъ, наряженныхъ въ походъ, съ вычетомъ

*) Записки Ѳаддея Булгарина.

изъ ихъ жалованья въ треть по 1 рублю, да изъ фуража, который имъ полагается на вьючную лошадь не въ натурѣ, но деньгами, пятой части... Но это не вполнѣ удалось провести знаменитому атаману. Въ указѣ войсковому атаману отъ 22-го декабря 1801 г. написано: „Снабденіе казаковъ ружьями годными и однокалиберными нахожу я равномѣрно нужнымъ и удобнымъ средствомъ къ тому вами предлагаемое; но какъ тульскій оружейный заводъ занятъ нынѣ дѣланіемъ необходимо нужнаго для войска новаго оружія, то и предоставляю вамъ за сіе дѣло приняться по сношенію съ военною коллегіею, которая, смотря по времени и соображаясь съ успѣхомъ укомплектованія сухопутныхъ войскъ оружіемъ, можетъ тогда тульскому оружейному заводу дать надлежащее предписаніе...“

Сѣдла были казачьяго образца, съ суконной или кожаной подушкой, въ которую укладывались кое-какія вещи казачьяго обихода.

Такова была внѣшняя физіономія полка при выходѣ его на службу.

IV.

Какой же строй, какія команды могъ имѣть полкъ безъ устава, безъ спеціально обученныхъ начальниковъ, безъ установленныхъ командъ и сигналовъ? Собравшись, всѣ люди полка всецѣло были заняты выѣздкой „дикихъ и весьма злыхъ“ лошадей, приготовленіемъ сѣделъ, шитьемъ мундировъ, заготовкой военнаго обихода. На ученье „оборотамъ“ казачьей службы, на хитрыя „экзерцированія“, подобныя регулярнымъ, оставалось весьма мало времени. Прохожденіе „словесности“, порядокъ караульной службы, аванпостной и разъѣздной, или, иными словами, служба на кордонахъ тоже не проходилась совсѣмъ.

А между тѣмъ казаки не имѣли себѣ соперниковъ въ подвижномъ и неподвижномъ охраненіи. Когда казаки стояли въ передовой цѣпи, отрядъ спалъ спокойно. Казаки донесли, что по

Нѣману стягиваются саксонскіе и баварскіе корпуса въ 1812 г., казаки же первые отписали, что „Наполеонъ, подъ видомъ Коленкура, проѣхалъ черезъ Ковно 30-го ноября 1812 г.“.

Положимъ, еще ребенкомъ, малолѣткой казакъ уже кое-что слыхалъ отъ служилыхъ казаковъ, но главное свое образованіе, свою сметку и всю ту „словесность“, которую въ регулярныхъ частяхъ зубрили отъ доски до доски наизустъ, казакъ, шутя, проходилъ во время скучныхъ походныхъ движеній. Передвиженія полка съ Дона на кордонъ или въ какой-либо городъ (С.-Петербургъ) для разъѣздовъ, или къ арміи для военныхъ дѣйствій, были лучшей и полезнѣйшей школой для казака.

Казаки описываемаго времени переходили съ мѣста на мѣсто, безъ маршрутовъ. Указывался пунктъ, въ который они должны были придти, и время прибытія, остальное предоставлялось полковымъ командирамъ. Полкъ рѣдко шелъ весь вмѣстѣ; въ большинствѣ случаевъ, его разбивали на массу отдѣльныхъ командъ, нерѣдко изъ шести, десяти казаковъ. Командамъ этимъ указывался рядъ деревень и мѣстечекъ, черезъ которыя нужно было пройти, а выборъ дорогъ, аллюры, время выступленія предоставлялось старшимъ въ командахъ, урядникамъ или расторопнымъ казакамъ. Вотъ тутъ-то вырабатывалась та удивительная сметка, та способность

быстро оріентироваться, которыя отличаютъ казака отъ регулярнаго кавалериста. А по вечерамъ, задавъ кормъ лошадямъ, о чемъ было говорить казакамъ, какъ не о предстоящей службѣ. Тутъ бывалые станичники щеголяли своими знаніями, разсказывали и о караулахъ, и о кордонахъ, дѣлали краткія характеристики будущихъ командировъ. И вполнѣ естественно, что эти разсказы лучше укладывались въ головѣ станичника, нежели всѣ строго-логичныя уставныя опредѣленія, передаваемыя сухимъ тономъ „ученаго“ унтеръ-офицера.

Прибывъ на мѣсто службы, полкъ нерѣдко попадалъ въ самый разгаръ дѣйствій и обязательно шелъ въ передовую часть прямо въ бой.

Какимъ же строемъ наиболѣе ловко могла дѣйствовать плохо съѣзженная, не знающая построеній, но хорошо ѣздящая и владѣющая оружіемъ, понятливая часть? Такимъ строемъ являлся строй разсыпной или нѣкоторое подобіе его — „*лава*“.

Лава не есть строй, но національная казачья тактика. Уже потому нельзя назвать „лаву“ строемъ, что подъ словомъ „строй“ подразумѣвается обязательно нѣчто стройное, подчиненное извѣстнымъ правиламъ и командамъ, а лава сегодня строилась такъ, а завтра уже въ ней были измѣненія, въ зависимости отъ цѣли ея — атаковать или маневрировать, и отъ плановъ

командира полка; строго обусловленныхъ командъ въ ней не было, сигналы замѣнялись свистомъ, лаемъ, особымъ крикомъ; какой же это строй?!

Въ то время, какъ регулярные полки имѣли развернутый строй, какъ первоначальное построеніе и строй для атаки, колонны маневренныя и походныя, сомкнутыя и разомкнутыя, справа и слѣва, наконецъ, разсыпной строй, управлялись строго формулированными командами и цѣлой массой сигналовъ; казаки не имѣли *никакого* строя.

Полкъ становился кучей или кучами по сотенно, въ зависимости отъ приказанія командира полка. Было много мѣста по фронту — куча уподоблялась развернутому строю, мало — колоннѣ. Каждый казакъ искалъ своего урядника-одностаничника и пристраивался къ нему, а урядникъ имѣлъ въ виду своего хорунжаго или сотника и всѣ слѣдили за сотеннымъ командиромъ и станичнымъ или полковымъ знаменемъ. Доносили передовые разъѣзды о приближеніи непріятеля, полковой командиръ созывалъ къ себѣ сотенныхъ и говорилъ имъ, какъ онъ думаетъ атаковать или заманить на сзади находящееся подкрѣпленіе; говорилъ, съ чего начнутъ, кому и какъ стрѣлять, съ коня или спѣшившись; объяснялъ имъ тѣ знаки, которые онъ будетъ подавать. Сотенные разсказывали млад-

шимъ офицерамъ, младшіе—всѣмъ казакамъ. Иногда послѣ этого объясненія, въ виду уже непріятеля, командиръ полка „говорилъ полка своего казакамъ при распущенныхъ знаменахъ и просилъ убѣдительно ихъ, чтобы храбро атаковали непріятеля и не устыдили бы молодаго своего начальника, увѣривъ, что онъ во всѣхъ опасныхъ случаяхъ будетъ неотлучно съ ними. Они (казаки) въ одинъ голосъ отвѣчали, что умрутъ или составятъ мнѣ (т. е. полковому командиру) славу, что въ точности и выполнили“ *).

Очевидно, полкъ слушалъ рѣчь своего командира, сбившись въ кучу, потомъ, вдохновленный словами своего начальника, онъ быстро развертывался и кидался длинной развернутой линіей съ охватомъ фланговъ въ атаку, или по приказанію развертывали лаву и начинали свои безконечныя маневрированія.

Въ чемъ состояли эти маневрированія? Одни представляютъ себѣ, что это было нѣкоторое подобіе современной атаки разсыпнымъ строемъ, другіе думали, что это былъ полный хаосъ, гдѣ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ—одинъ стрѣлялъ, другой рубилъ, третій кололъ и никто никого не слушалъ, наконецъ, третьи воображали себѣ нѣчто магически стройное, цѣлое и громадное по фронту...

Лава была разнообразна, но она не имѣла

*) Записки атамана Денисова.

характера своеволія и безначалія; лава была стройна, но далеко не имѣла вида разсыпной атаки.

Разъѣхавшись на протяженіе до двухъ верстъ, казаки не могли слышать команды своего командира полка, да и сотенные были далеки. Установить порядокъ повторенія командъ всѣми офицерами подняло бы такой „галдежъ“ въ строю, при которомъ трудно было бы лавѣ появляться и пропадать, „какъ сонъ“. Управленіе было нѣмое. Казаки непрестанно слѣдили за своими офицерами, какъ рой за маткой, и всѣ повороты, перемѣна аллюра, самая атака происходила по нѣмому знаку шашкой, рукой или движеніями лошади. Пониманіе каждымъ казакомъ цѣли маневрированія, страстное желаніе поразить возможно бо̀льшее количество непріятеля, вотъ что давало смыслъ движеніямъ въ лавѣ, а вниманіе къ командиру полка придавало этимъ движеніямъ и стройность, и единовременность. Пускай, напримѣръ, лава заняла своимъ фронтомъ протяженіе въ двѣ версты, въ которыя входятъ небольшой, но топкій ручей и маленькій оврагъ; цѣль маневрированія „заманить“ непріятеля на стоящую въ четырехъ верстахъ и прикрытую скатомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, пѣхоту и артиллерію. Лава наступаетъ шагомъ. Дойдя до ручейка, всѣ всадники, которымъ придется черезъ него переходить, по

знаку своего начальника „падаютъ“ съ лошадей, которыхъ отдаютъ одному, двумъ, становящимся скрыто сзади; затѣмъ примащиваются со своими ружьями сзади ручья и ждутъ. Сосѣди, пройдя ручей, сейчасъ же затягиваютъ его мѣсто и лава продолжаетъ свое движеніе. Дойдя до овражка, шаговъ за триста или даже менѣе до него, часть казаковъ останавливается и смыкается въ кучу, на подобіе развернутаго строя. Послѣ этого лава становится жиже, но протяженіе ея остается то же. Теперь начинается рѣшительное и задорное наступленіе. Если непріятельская конница хладнокровна, ей стрѣляютъ съ коня чуть не въ упоръ, наскакиваютъ на нее на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, но лишь только она выплетъ одинъ, два взвода для отогнанія дерзкихъ всадниковъ, лава подается назадъ, фланговые взводы сгущаются и съ гикомъ съ боковъ и съ тыла несутся на преслѣдователей. Наконецъ, это „наѣздничанье“, это маневрированіе лавой надоѣдаетъ непріятелю. Онъ высылаетъ большую часть, полкъ или два, для наказанія казаковъ. Тогда, уходя, казаки собираются, какъ разъ въ двѣ кучи, изъ которыхъ одна несется прямо къ ручью, другая имѣетъ направленіе на оврагъ. Въ 20-ти, 30-ти шагахъ отъ препятствія казаки въ каждой кучѣ быстро поворачиваются направо и налѣво и обтекаютъ препятствіе. Сомкнутые стройные, увлекшіеся преслѣдованіемъ, эскад-

роны не могутъ такъ скоро измѣнить направленія атаки и одни вязнутъ и тонутъ въ ручьѣ подъ выстрѣлами спѣшенныхъ казаковъ, другіе по переходѣ черезъ оврагъ сильно разстроенные атакованы засадой. Въ то же время и лава уже повернула назадъ и ударила съ фланговъ и тыла. Въ результатѣ бѣгство непріятельскихъ эскадроновъ, высылка болѣе значительныхъ частей, новое заманиваніе уже на болѣе сильную пѣхотно-артиллерійскую засаду. Какъ видно, для такихъ дѣйствій ни командъ, ни сигналовъ не было нужно. Требовался здравый смыслъ и пониманіе обстановки каждымъ казакомъ. Можетъ быть, командиръ полка или хорунжій и кричали въ патетическую минуту: „братцы—впередъ!“, или „станичники—увиливай“, но развѣ это команды?!

Если полковъ было нѣсколько, то строили лаву, а когда для этого не хватало мѣста, то остававшіеся становились сзади и играли роль той засады, на которую нужно заманивать.

Для успѣха предпріятія необходимо нужно было, чтобы ни одинъ изъ маневровъ не повторялся два раза. Если сегодня удалось заманить такіе-то два полка лавой въ видѣ цѣпи, то завтра они будутъ осторожнѣе и всюду видѣть засады. Поэтому-то лава должна была быть разнообразна. Безконечное видоизмѣненіе мѣстности, времени года, дня и ночи давало средства, пользуясь этими данными, варьировать свои дѣйствія.

Истощалось воображеніе у командира полка, ему давали совѣты сотенные командиры, офицеры и даже рядовые казаки. Сколько головъ— столько было и умовъ. Лава становилась безконечно разнообразной, безформенной и неуловимой. „Не знаешь, что предпринять“, въ сознаніи полнаго своего безсилія говорилъ непріятель, изучившій высшую школу манежной ѣзды, вольтижировку и дѣйствія въ сомкнутомъ строѣ.

Кромѣ описаннаго нами способа дѣйствія лавой существуютъ еще и иные способы. Изъ нихъ сохранился до насъ по рапортамъ и письмамъ графа Платова, между прочимъ, „вентеръ“.

На Дону „вентеремъ“ называется рыболовная сѣть, натянутая на рядъ постепенно уменьшающихся обручей и оканчивающаяся мѣшкомъ. Рыба, обманутая первоначальнымъ просторомъ, въ концѣ концовъ оказывается замкнутой въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ не имѣетъ возможности повернуться. Подобно этому, казаки придумали на мѣстности пересѣченной, съ нѣсколькими дефиле, играющими здѣсь роль веревокъ сѣти, заманивать непріятеля въ засаду и въ ней прикончивать съ нимъ, или избивая, или беря въ плѣнъ; первое случалось чаще, въ чемъ сознался и Платовъ: „казаки, писалъ онъ, рѣдко въ плѣнъ берутъ, а сегодня привели съ небольшимъ сто“ *).

*) Матеріалы генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго (Воен.-учен. архивъ Гл. Шт.).

Вторая половина іюня 1812 года застаетъ обѣ наши арміи, Багратіона и Барклая въ полномъ отступленіи. Прикрывать это отступленіе долженъ былъ летучій корпусъ генерала Платова.

По дорогѣ на Дриссу и Смоленскъ, широкой и пыльной, и по краямъ ея, кучей, готовой ежеминутно обратиться въ сторону непріятеля и развернуть на встрѣчу ему длинный фронтъ свой, отступали казаки Платова отъ Гродно. Станутъ на бивакъ и сейчасъ же, не разсѣдлывая, пошлютъ партіи на встрѣчу врагу.

И усталые, измученные дневнымъ переходомъ, донцы побѣгутъ опять назадъ по боковымъ дорожкамъ и станутъ широкой цѣпью, оберегая покой войскъ. Иногда ночью прогудитъ одинокій выстрѣлъ и мелькнетъ при блѣдномъ свѣтѣ утра сине-желтая фигура польскаго улана. А только разсвѣтетъ опять назадъ и назадъ, ровнымъ шагомъ, молча и хмуро. И днемъ иной разъ уланскій разъѣздъ непріятеля слишкомъ зарвется впередъ и ясны станутъ желтые флачки на пикахъ. Тыльный отрядъ пріостановится. Казаки поговорятъ между собою, одинъ, склонившись на переднюю луку, побѣжитъ „до аріергарда“, а остальные повернутся лицомъ къ непріятелю, грозно склонивши свои блестящія копья. Постоятъ такъ другъ противъ друга и опять пошли назадъ—не приказано трогать.

И такъ шли двѣ недѣли отъ Гродно. Двѣ недѣли проходили мимо Бѣлорусскихъ, соломой крытыхъ, курныхъ избъ, выходили къ казакамъ навстрѣчу бѣлоголовые, лохматые мужики, лепетали что-то на малопонятномъ языкѣ, подносили хлѣбъ, яица и молоко и бѣжали въ лѣса, разоряя, а иногда и зажигая свои дома.

Наконецъ, вечеромъ 26 іюня у самаго мѣстечка Кореличи показались три непріятельскія кавалерійскія колонны.

Дневной переходъ былъ оконченъ. Казаки уже разсѣдлывали коней и разъамуничивались. Изъ разъѣзда прискакалъ казакъ съ обычнымъ докладомъ „такъ-что непріятель заразъ валитъ, и все больше конный“—нечего дѣлать, посѣли на коней и, обойдя д. Кореличи по задамъ съ двухъ сторонъ, съ фланговъ ударили на противника и заставили его отступить къ Новогрудку.

Становиться ночлегомъ у Кореличъ было рискованно. Темнота сгущалась, а донесенія разъѣздовъ и смутный гулъ далеко на западѣ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Наскоро напоивъ лошадей и задавъ имъ овса, казаки въ ночь двинулись къ мѣстечку Миру.

Платовъ послалъ приказаніе всѣмъ полкамъ, сотнямъ и партіямъ сосредоточиваться возможно скорѣе къ Миру, а самъ сталъ въ трехъ верстахъ, не доходя до него. Огней не разводили,

тишина была полная. Теплая, тихая іюньская ночь царила надъ казачьимъ станомъ. Лишь бѣлѣла дорога на Кореличи, да темнѣли неясные силуэты кустовъ и перелѣсковъ вправо и влѣво.

На бугоркѣ, у группы развилистаго ольшаника собрались вокругъ Платова его сотрудники и генералы, Платовъ, блѣдный, растрепанный и усталый, объяснялъ планъ отраженія непріятеля. Надо было устроить „вентеръ“.

„...Впереди м. Мира, по дорогѣ къ Кореличамъ, выставлена была застава изъ 100 человѣкъ, какъ для наблюденія за непріятелемъ, такъ и для заманиванія его оттоль ближе къ Миру, а по сторонамъ дороги вправо и влѣво, въ скрытныхъ мѣстахъ сдѣланы засады, каждая также изъ 100 человѣкъ отборныхъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы застава умышленнымъ торопливымъ отступленіемъ въ случаѣ преслѣдованія непріятелемъ посланныхъ разъѣздовъ, провела его сквозь засады, и когда сіи послѣднія ударятъ на него, то обратилась бы ему прямо въ лицо. Полкъ Сысоева, расположенный въ мѣстечкѣ Мирѣ, долженъ былъ подкрѣпить сію атаку, а прочіе дѣйствовать по личному приказанію атамана“...*)

Чуть загоралась на востокѣ узенькая полоска, предвѣщая скорый восходъ, а вѣтерокъ сгонялъ легкій туманъ съ долины, очищая горизонтъ,

*) Матеріалы генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго (Военно-учен. архивъ Гл. Шт.).

когда передовыя сотни уже заняли свои мѣста. На дорогѣ открыто стала одна сотня, вправо и влѣво только опытный зоркій глазъ казака могъ разглядѣть казачьи копья.

И вотъ показалось солнце, далеко стало видно. Изъ Кореличъ по дорогѣ, длинной змѣйкой, подымается высокая, рѣдкая пыль.

Сквозь нее сверкаютъ копья. Топотъ коней становится слышнѣе—то идутъ три полка польской уланской дивизіи графа Турно. Вотъ ближе и ближе. Передовая казачья застава повернула кругомъ, пошли шагомъ, вотъ побѣжали рысью на Миръ. А въ Мирѣ тишина гробовая. Словно вымеръ онъ весь. Солнце ослѣпительными лучами освѣщаетъ крыши домовъ, огороды, хмѣль вьется по высокимъ шестамъ, застава уходитъ уже наметомъ. Передовой уланскій полкъ тронулъ рысью, зазвенѣли сабли и шпоры, зафыркали лошади и замотали головами, туже натянулись поводья. Графъ съ трубачами и ординарцами проскакалъ впередъ, обгоняя полки. Прозвенѣлъ сигналъ, собрались лошади и поскакали галопомъ. Разгорѣлись глаза и не видятъ они ничего передъ собой кромѣ этихъ синихъ куртокъ, что, сверкая штуцерными стволами на спинахъ, толпой скачутъ къ Миру.

Гдѣ-то раздался рѣзкій свистокъ и вдругъ справа и слѣва показались боковыя сотни, въ полномъ порядкѣ, склонивши пики, разверну-

тымъ фронтомъ съ громкимъ казачьимъ гикомъ, неслись онѣ черезъ кусты и поля на непріятеля.... А уходившая застава повернула обратно и сзади скачутъ поддержки.

Раздалась торопливая команда. Передніе уланы остановились, задніе наскочили на переднихъ, а казаки уже рубили и кололи, втершись въ ряды непріятеля.

Мимолетенъ кавалерійскій бой! Еще не притомились руки у казаковъ, не опомнились ошалѣвшіе уланы, какъ уже повернули наиболѣе трусливые и поскакали назадъ, а за ними пустились и казаки...

„Поляки“, пишетъ Платовъ въ своемъ донесеніи,“ такъ упорно сопротивлялись, что плѣнные всѣ были переранены, ибо никто изъ нихъ не сдавался, пока не собьютъ съ лошади“...

Пятнадцать верстъ гнали казаки уланъ. Попристававали, покрытыя пѣной, лошади, измучились потные, грязные донцы. 248 человѣкъ плѣнныхъ, въ числѣ коихъ 2 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера, 21 сержантъ, вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ достались казакамъ. У казаковъ раненыхъ почти не было. Слишкомъ неожиданъ и быстръ былъ ударъ казачьихъ полковъ. „ У насъ, писалъ Платовъ, благодаря Богу, уронъ до сего часа малъ, избавь Всевышній отъ того наперед, потому что перестрѣлки съ непріятелемъ не вели, а бросились дружно въ дротики и тѣмъ скоро

опрокинули, не давъ имъ поддержаться стрѣльбою“ *).

Къ вечеру преслѣдованіе кончилось. Усталый измученный Платовъ въ разстегнутомъ мундирѣ, лежа на пескѣ, писалъ донесеніе, поздравляя главнокомандующаго „хоть съ небольшою, однако же и не такъ малою побѣдою“ **).

Вотъ идея вентера, вотъ иллюстрація того, какъ дѣйствовали сыны степей въ славную годину отечественной войны.

Платову „вентеръ“ очень понравился. Въ рапортѣ его отъ 27-го іюня 1812 г. за № 61 изъ м. Миръ онъ пишетъ: ...„вотъ вентеръ много способствовалъ, оттого и началъ пошелъ“ ***).

Идея „вентера“ та же, что и идея лавы — заманить непріятеля, поставить его въ невыгодное положеніе и сильнымъ дружнымъ ударомъ въ дротики разбить и опрокинуть. Лава примѣнялась на мѣстности ровной, открытой, гдѣ было мѣсто развернуться, „вентеръ“ на мѣстности дефилированной, съ крупными мѣстными предметами.

Другихъ построеній казаки не знали. На мѣстности невозможной для дѣйствія на конѣ холоднымъ оружіемъ казаки всегда спѣшивались

---

*) Рапортъ Платова 27 іюня 1812 г. № 61 м. Миръ. Военно-учен. Арх. Гл. Шт.

**) Рапорты Платова № 61 и 67. Военно-уч. Арх. Гл. Шт.

***) Тоже.

и винтовкой владѣли не хуже чѣмъ пикой. Спѣшивалась обыкновенно цѣлая сотня, оставляя лошадей сбатованными за полкомъ. Имѣя свою артиллерію, казаки умѣли превосходно прикрывать ее, и не было случая, чтобы хотя одно донское орудіе попало въ руки непріятеля.

Въ пору нашествія дванадесяти языковъ главная армія отдыхала, собирала военные совѣты, на совѣтахъ спорили и бранились, дѣлали рекогносцировки, готовились драться и не дрались, дрались и не готовились. Въ главной арміи спали спокойно, отъ зари до зари не тревожимые ничьими криками, ничьими выстрѣлами. Казаки не знали сна. Вздремнетъ развѣ на сѣдлѣ умаявшійся за день Гаврилычъ, но призракъ смерти разбудитъ его и снова глаза открыты и смотрятъ, не глядитъ ли гдѣ изъ-за кустовъ черноусое лицо въ киверѣ или кепи! Тяжелая утомительная и негромкая служба! Смоленскъ, Красный, Бородино прогремѣли на всю Европу, а всѣ эти мелкія аріергардныя дѣла: Миръ, Ро-

мановъ, Молево болото, Могилевъ, Новоселокъ, Салтановка, Михалевка, Славково—кто ихъ знаетъ?! Какое кому дѣло, что тамъ лилась казачья кровь, что тамъ усталые, изведенные непрерывными боями, дрались денно и нощно донцы и егеря?! Убитые и раненые тамъ числились единицами, а не сотнями, и какое дѣло исторіи до этихъ немногочисленныхъ храбрецовъ!!

VI.

Послѣ 1812 г. на казаковъ обратили нѣкоторое вниманіе и, желая помочь полковымъ командирамъ управлять стройной, но неправильной массой, казакамъ прислали сигнальные рожки по нѣсколько на полкъ. Нотъ сигналовъ приложено не было, да все равно, некому было бы ихъ разобрать. Задумались казаки. Начальство требуетъ — надо исполнять. По счастью, нашлись станичники со слухомъ. Скоро научились играть на трубахъ пѣсни. Тогда и придумали, чтобы каждая пѣсня имѣла свое значеніе. Напримѣръ, „я въ пустыню удаляюсь“ — отступленіе, „выйду-ль я на рѣченьку“ — наступленіе, „черезъ рѣчку, черезъ мостъ“ *) — переправа и т. д. Понятно, каждый

*) Сигналы полка генералъ-маіора Краснова 1812 г.

полкъ имѣлъ свои сигналы, сообразно съ репертуаромъ сигналистовъ и изобрѣтательностью командира и офицеровъ. Сигналы эти большой пользы не принесли, на нихъ смотрѣли, какъ на забаву, и въ бою всему предпочитали толковое, разумно отданное приказаніе.

Въ случаѣ нужды, казаки не стѣснялись переправами вплавь даже черезъ широкія рѣки. Кромѣ стариннаго татарскаго способа *„салы“*, состоявшаго въ томъ, что изъ камыша вязали плотики, на которые складывалось сѣдло и оружіе казака, казакъ же кидался съ конемъ въ воду, привязавъ плотикъ къ хвосту лошади и держась одной рукой за гриву, достигалъ вплавь другаго берега, существовали и другіе способы.

„Сала“ была удобна на походѣ, въ бою же некогда было искать камышъ и вязать его въ плоты. Тогда поступали, какъ Богъ на душу положитъ, но всегда лихо и отчаянно смѣло. Во время польскаго возстанія 1792 г., въ дѣлѣ 6-го сентября, на р. Вислѣ, главнокомандующій русскою арміей, Ферзенъ, „рѣшился при одномъ большомъ лѣсѣ переправиться на другую сторону Вислы, на которой находились непріятельскія войска и батареи; приказано было для этого строить плоты и батареи. Послѣ канонадъ съ обѣихъ сторонъ, два казачьихъ полка храбраго Ивана Карпова и Серебрякова получили повелѣніе переправиться черезъ Вислу прямо на

непріятельскія батареи. Казаки сняли съ себя мундиры, сѣдла съ лошадей и *съ одними дротиками* въ рукахъ, съ военными кликами, вылетѣли изъ лѣсу и ринулись въ Вислу. Поляки такъ оробѣли отъ сего, что оставили всѣ пункты и бѣжали“ *).

Помимо участія въ сраженіяхъ и стычкахъ, казакамъ много приходилось работать въ сторожевой цѣпи и въ „партіяхъ“ или разъѣздахъ.

Порядокъ службы въ сторожевой цѣпи весь былъ основанъ на секретахъ, на подслушиваніи и выглядываніи одиночныхъ всадниковъ. Нерѣдко передовая застава, разсѣдлавъ коней, крѣпко спала къ великому смущенію повѣряющаго бдительность охраненія регулярнаго начальника. За нее не спитъ часовой, притаившись лежащій съ односумомъ-товарищемъ „на курганчикѣ“ и зорко глядящій на всѣ стороны; за нее не спитъ и тотъ любитель-казачекъ, что за двѣ версты ушелъ и залегъ въ укромномъ мѣстечкѣ; наконецъ, не спитъ далеко впередъ съ офицеромъ убѣжавшая партія... Стоитъ только появиться непріятелю: сдѣлаетъ „выпалъ“ секретъ, подхватитъ часовой, и въ нѣсколько минутъ застава, совсѣмъ готовая, подкрѣпленная сномъ, бѣжитъ на встрѣчу противнику. Правда, за такое несеніе сторожевой службы нерѣдко

*) „Записки атамана Денисова“ („Русская Старина“ т. XI, 1874 г., ноября стр. 380).

приходилось начальству донскому оправдываться передъ регулярными властями. Денисовъ, обойденный орденомъ, сухо принятый генераломъ Ферзеномъ, въ запискахъ своихъ замѣчаетъ: „А я и нечаянной не сдѣлалъ ошибки, какъ только однажды съ покорностью просилъ генерала Ферзена, чтобы онъ, когда молодые, при немъ находящіеся, офицеры бываютъ въ передовой цѣпи и затѣмъ доносятъ ему объ ошибкахъ и упущеніяхъ, то онъ не вѣрилъ бы; при этомъ я поставлялъ генералу то въ резонъ, что молодые офицеры худо знаютъ донскихъ казаковъ обороты и лучшіе и даже необходимые считаютъ за упущенія...“ *).

Въ „партіяхъ“ казаку было много труднѣе. Ѣздили почти всегда безъ картъ, а время опредѣляли „по солнышку“, потому что, что же „будутъ дѣлать офицеры, не имѣющіе понятія о планахъ и не умѣющіе обращаться съ ними, да и часы, по бѣдности, офицеры не многіе могутъ купить...“ **). Это нерѣдко бывало причиною путаницы въ донесеніяхъ.

Какъ теперь, такъ и 100 лѣтъ тому назадъ, командиры полковъ постоянно жаловались на то, что ихъ полки грабятъ, отнимаютъ лучшихъ людей на посылки, на ординарцевъ, въ деньщики, вѣстовые и проч. „Такова участь казачьихъ пол-

*) „Записки атамана Денисова“, стр. 409.

**) Тоже, стр. 620.

ковъ, пишетъ Денисовъ, всегда казаки столько употребляются по дежурствамъ, къ волонтерамъ, по провіантскимъ, комисаріатскимъ коммиссіямъ, разнымъ транспортамъ, что всегда на половину остается при полку, а иногда и того менѣе. Такъ, даже случается, что чиновники, отпросясь въ отпускъ, увозятъ казаковъ въ свои дома, и уже оттуда даютъ имъ способъ возвратиться на Донъ, а полкъ о всемъ ономъ не имѣетъ свѣдѣнія. При семъ долгомъ поставляю сказать: когда я дозналъ, что одинъ пѣхотнаго полка поручикъ, находясь безъ должности въ одномъ селеніи, имѣетъ полка моего казака, то послалъ къ нему сказать, чтобы немедленно казака отпустилъ, но онъ того не сдѣлалъ и отозвался, что его никогда не отпуститъ, почему я принужденъ былъ послать команду силою взять" *).

Казаковъ цѣнили только тогда, когда они были необходимы, цѣнили ихъ также такіе недюжинные люди, какъ Суворовъ; между тѣмъ многіе военные люди описываемаго времени, привыкшіе къ красивымъ регулярнымъ полкамъ, блестящимъ своею стройностью, гдѣ лошади подобраны шерсть въ шерсть, всадники изящно одѣты въ эфектныя каски съ высокими помпонами, гдѣ аллюры уравнены до идеала, не могли равнодушно видѣть казачій полкъ, кучей собравшійся за

*) „Записки атамана Денисова", стр. 380.

своимъ знаменемъ, одѣтый разнообразно и пестрый, „какъ маковъ цвѣтъ“, въ синихъ, желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ мундирахъ, мѣшковато сидящихъ на бородатыхъ, плохо выправленныхъ людяхъ. Теряла и не имѣла вида и выносливая, крѣпкая казачья лошадка, стоящая неуклюже, разставивъ ноги, задравъ голову къ верху, съ худымъ, поджарымъ животомъ... Въ вѣкъ, когда все основано было на наружномъ блескѣ, на медвѣжьихъ шапкахъ и цвѣтныхъ флюгерахъ, казаки не могли снискать себѣ симпатій. На нихъ смотрѣли, какъ на полудикихъ разбойниковъ. Иностранные агенты, увидавъ полковника Денисова во дворцѣ, на выходѣ, безъ церемоніи разсматривали его и говорили про него громко по французски. Какъ же сконфужены они были, когда „дикій“ казакъ разговорился съ ними на ихъ родномъ языкѣ.

Казаки мирились съ тѣмъ, что имъ давали самую трудную, „черную“, невидную работу; мирились, что про нихъ забывали, не приносили жалобъ даже на то, что иные казачьи полковники забирали все жалованье ихъ себѣ, и казаки служили только ради чести и славы „всевеликаго войска Донскаго“. Офицеры и полковники казачьи рѣдко жаловались на то, что ихъ обходили чинами и орденами, что младшихъ сажали надъ ними.

Съ горечью отмѣчаетъ А. К. Денисовъ въ

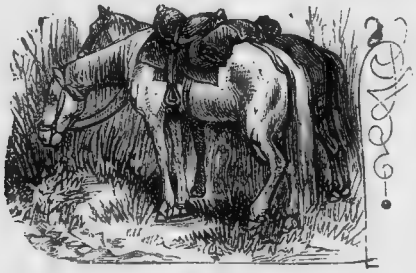
своихъ „Запискахъ“: „Я съ шестью полками поступилъ (въ 1798 г. въ Италіянскій походъ) въ авангардъ, который ввѣренъ былъ младшему предо мной полковнику Багратіону. Я было хотѣлъ представлять о семъ рапортомъ, но друзья мнѣ сказали, которымъ открылся, чтобы на первый случай перенесъ. Князь Багратіонъ обошелся со мною ласково и не вошелъ въ претензію, что полки, а не я, относились ему рапортами, почему я молча переносилъ, какъ всегдашнюю участь казаковъ, притомъ же я обнадеживался, что военныя дѣла предоставятъ мнѣ случай заслугами найти право старшинства“ *).

Многое перемѣнилось, особенно въ военномъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Платовъ былъ популярнѣйшимъ народнымъ героемъ; еще прочнѣе осѣлъ къ землѣ казакъ, но вглядитесь пристально и въ современный казачій полкъ, обученный согласно регулярнаго кавалерійскаго устава, и вы найдете въ зародышѣ въ немъ то же стремленіе къ свободнымъ широкимъ аллюрамъ, то же послушаніе скорѣе приказанію, нежели командѣ. Какъ часто слышите вы, какъ ведущій разъѣздъ урядникъ командуетъ по уставу: „справа по три, шагомъ, маршъ“, а люди стоятъ, и только тогда, когда онъ добавитъ: „да иди же, всѣ по три, смотри!“ часть вытягивается въ колонну. Вгля-

*) „Записки атамана Денисова“, стр. 613.

дитесь пристально въ современнаго казака и въ немъ замѣтите ту же честность, расторопность, смѣлость и распорядительность, что отличали и Платовскаго казака. Но его немножко придавила современность, отсутствіе набѣговъ и рейдовъ, гдѣ бы можно было показать себя. Дайте ему толчокъ, поставьте его въ боевую обстановку, и казакъ проснется и покажетъ себя еще лучшимъ, чѣмъ былъ раньше, потому что ко всему отличавшему казачій полкъ 100 лѣтъ тому назадъ прибавится еще грамотность простыхъ казаковъ, порядочное образованіе офицеровъ и знаніе всѣхъ „оборотовъ“ регулярной конницы.

Различіе въ воспитаніи казака и офицера, все болѣе и болѣе рѣзко сказывающееся за послѣднее время, конечно, измѣнитъ немного внутреннюю физіономію полка; но смѣемъ думать, заставитъ казака еще болѣе уважать офицера, а офицера побудитъ любить и жалѣть своего меньшаго брата и боеваго товарища!



Уходъ за лошадью. Памятка для нижняго чина. Сост. ***В. Сухомлиновъ***. 1893 г. . . . . **10** к.

При требованіи 100 экз. . . . . по **10** к. } съ пересылкою.
» » 500 » и болѣе . . . » **8** » }

Партизанскія дѣйствія. Сост. генеральнаго штаба подполковникъ ***В. Клембовскій.*** Спб. 1894 г., въ 8 д., 280 стр. съ 9-ю потретами знаменитыхъ партизановъ, 21 планомъ, схемами и виньетками въ каждой главѣ . . . **2** р.

При требованіи единовременно 10 экз. и болѣе пересылка на счетъ издателя.

. . . . Авторъ предлежащаго труда основалъ свое изслѣдованіе на широкомъ изученіи военной исторіи, при чемъ выбраны и изложены наиболѣе замѣчательные образцы партизанскихъ операцій въ разныя эпохи, а также отдана должная дань и дѣйствіямъ нашихъ партизановъ въ Отечественную войну . . . . . мы считаемъ, что г. Клембовскій прекрасно выполнилъ принятую имъ на себя задачу и выяснилъ сущность и частности партизанскихъ дѣйствій со всею полнотою, которая только достижима въ зависимости отъ имѣющагося военно историческаго матеріала.

«Русскій Инвалидъ» 1894 г. № 55.

Обстоятельность разработки предмета, тщательное изслѣдованіе всѣхъ практически важныхъ подробностей, необыкновенное богатство военно-историческихъ примѣровъ, ясность и популярность изложенія Книга снабжена всѣми необходимыми планами и картами и украшена множествомъ виньетокъ. Вообще это изданіе мы смѣло можемъ рекомендовать всѣмъ строевымъ (особенно кавалерійскимъ) офицерамъ, какъ интересное чтеніе и полезное руководство при изученіи предмета.

А. К. Пузыревскій. *«Развѣдчикъ» 1894 г. № 182.*

Коневодство и перевозочныя средства Европейской Россіи (по оффиціальнымъ даннымъ военно-конской переписи 1888 г.). Составилъ ***Дм. Дубенскій.*** Съ 2-мя картограммами, 1 діаграммой и рисунками повозокъ. Спб., 1891 г. . . . . **3** р.

Г. Дм. Дубенскій, съ разрѣшенія Начальника Главнаго Штаба, пользуясь всѣми данными конной статистики, прекрасно обработалъ эти сырые матеріалы и далъ имъ историческій очеркъ коневодства.

В. Сухомлиновъ. *«Развѣдчикъ», № 60.*

Письма о лошади. ***Н. Н. Кривенко.*** 1891 г. **75** к.

Любитель, знатокъ дѣла, авторъ кладетъ душу въ свои письма; благодаря же небольшой цѣнѣ, назначенной за книгу, она дѣлается доступной рѣшительно всѣмъ . . . . Успѣхъ этой книги мнѣ кажется несомнѣннымъ и кавалерія наша, а также всѣ любители лошади, прочтутъ ее съ большимъ удовольствіемъ.

В. Сухомлиновъ. *«Развѣдчикъ», № 49.*

Цѣна 40 коп.